

## 3.2.

Представители Всероссийского железнодорожного союза  
на Государственном Совещании (12.08.1917)

«[...] К концу июля в газетах появилось сообщение, что Временное правительство созывает в Москве Государственное Совещание из представителей общественных организаций. Железнодорожному союзу отведено было пять мест. Получив об этом извещение, съезд послал туда т.т.

Климова, Малицкого, Плансона, меня и, насколько помню, тов. Досева. Я спешно принялся готовить декларацию от имени съезда.

Перед своим выступлением я огласил перед общим собранием, что предполагал изложить в декларации, получил одобрение и тогда уже с твердой почвой под ногами отправился на совещание

Малицкий, председатель железнодорожного союза Московского узла, всю ночь объезжал московские дороги и всюду организовывал отпор казакам. Защелкал телеграф, зазвонил телефон, на всех вокзалах дежурства членов комитета, навстречу казакам двинулись рабочие дружины, вооруженные винтовками и пулеметами. В Можайске задержали самочинно двигавшийся к Москве 7-й Оренбургский казачий полк.

Смутно связывали мы перемещение казаков с предстоящим Совещанием. Но кто и зачем их направлял, никому тогда еще не было известно.

Только спустя некоторое время стало известно, что готовился переворот: арест правительства и разгон Совещания с передачей власти генералу Корнилову. Контрреволюция и гражданская война выращивали свои корни в начале августа семнадцатого года.

Государственное Совещание собралось. Его заседания открылись в помещении Большого театра. Избранные из избранных наполняли партер и ложи. Не видно было только представителей рабочих.

Сцену занял стол Временного правительства, за которым тянулись ряды стульев, занятых приглашенными. В ложе у сцены поместился генерал Корнилов, Деникин и другие высшие чины. В ложе второго яруса, почти против Корнилова, сидели представители Совета Казачьих войск и среди них знаменитый Каледин.

Керенский, заложив по-наполеоновски руку за борт френча, глухим отрывистым голосом монотонно выбрасывал слова своей речи. Создавалось впечатление жуткое, чего-то необычного. Он говорил о положении страны, о целях Совещания и призвал всех нас и через нас все организации к порядку, жертве, обороне...

И вместе с ростом и укреплением наших организаций растёт и крепнет производительность труда на железных дорогах.

Если бы здесь на государственном Совещании, была прочтена не записка, составленная два месяца назад для инженера Шуберского, цель которой была доказать, что вина в падении транспорта ни в ком ином, как в нас, в этом пресловутом «стрелочнике», виновнике всех бед на железных дорогах, то нам привели бы не цифру, изображавшую разницу перевезенных грузов теперь и в прошлом 1916 году, а указали бы на количество ввезенных и погруженных грузов тогда и теперь, и не забыли бы цифру остатка непогруженного груза, так называемой «залежи».

А залежь стала бытовым явлением за последние двадцать пять лет, когда и интенсивность труда была велика и полнота власти принадлежала правящим сферам. Если бы такое сопоставление было сделано, то министр труда, констатировавший, кроме того, что к началу августа в железнодорожные мастерские поступили сырьё и металлы, воздержался бы от такого вывода, что появление металлов в мастерских одиннадцатого числа не повысило производительности рабочих на другой день – двенадцатого. Об этом можно будет судить через два-три месяца, когда рабочие, кроме сырья и металлов, получат и нужный для них инструмент. Когда в мастерских нет самозакальной стали, когда нет ни пил, ни зубильев, и в некоторых пунктах нет требуемого числа молотков, подвоз сырья и металлов сразу не изменит положения вещей.

«Порядок, а вместе с тем и напряженность работы есть одна из задач союза железнодорожных рабочих, мастеровых и служащих».

Пусть нам дадут все, что для работы нужно, пусть не сеют «беспорядка» в наши ряды, и союз справится с этой задачей.

«Жертвы»... Мы – нищие. И, кроме труда и своей жизни, нам нечего отдать нашей родине.

Труд мы отдаем ежедневно, жизнь... – кто знает, может через несколько дней мы отдадим и свою жизнь на защиту революционной России.

Из всех категорий труда мы самые обездоленные из обездоленных. Найдете ли вы в какой-либо отрасли труда оплату квалифицированного рабочего в 72–90 коп. в день? Оплату, которую разными подачками теперь подняли до одного рубля 80 коп, чтобы вернуться к прежней расценке, как только наступит благоприятный момент. Сравните заработок машиниста в 111–172 руб. в месяц или главы станции в 134–150 руб. с ценами на предметы первой необходимости и вы поймете то положение, в котором находимся мы. Мы – нищие. И рабочие, посылая меня на Государственное Собрание, поручили мне сказать, что им известны финансовые затруднения страны и что, если в настоящий момент невозможно безотлагательно улучшить их экономическое положение, они предлагают взять от них выплачиваемые им заработанные деньги и взамен снабжать их и их семьи одеждой, обувью и пищей. И, наконец, «оборона». Оборона страны есть священный долг железнодорожников. Но выступить мы можем только тогда, когда будем спаяны в единый союз, когда будет решен вопрос: кто мы? Подпольная или открытая, государственная организация?

Как будто бы так смотрит на нас правительство: мы – организация государственная. Как будто бы так смотрите и вы, товарищ министр-председатель, приветствовав нас 15 июля своей телеграммой, как организованных железнодорожников и пригласив нас нести свой откровенный труд в целях единения всего революционного народа.

Так смотрит на нас верховная власть, но иначе думает и действует власть на местах. Наша программа и наша власть оказались неприемлемыми для той части администрации, которая поставлена еще при старом порядке. Носительница старых идей, она наполняет центральные учреждения и стоит во главе большинства наших дорог. И вот в то время, когда верховная власть призывает нас к единению, эта часть администрации делает усилия нас разъединить. Тогда, когда мы ставим условием недопущение каких-либо частичных выступлений на железных дорогах, на местах, как из

рога изобилия, сыплются на нас удары, имея видимую цель: порвать дисциплину, чтобы вызвать выступление и разрушить союз. Мелкая повседневная борьба; отстранение от службы; увольнение массами на стройках; отмена восьмичасового дня там, где по условию работы он должен быть сохранен и где он был введен с ведома и согласия власти; предание суду в ничтожных случаях, трактуемых как неподчинение власти – все это как и одновременность и однотонность административных воздействий на линиях, привело съезд к заключению, что воздействия этой части администрации имеют неведомый нам руководящий центр и организованную силу. (На весь театр гудит баст. М.Т.Елизарова: верно). Но если верно, что организованность железнодорожных мастеровых, рабочих и служащих может помочь обороне страны и удержанию ее от гибели, то мы ставим вопрос: кому и в каких целях нужно уничтожить наше сплочение и мешать осуществлению наших государственных задач?. Ведь не ошибки и грехи отдельных членов союза могли вызвать дружное давление на железнодорожный союз властей предрержащих. Мы знаем хорошо наши ошибки и их исправляем. А среди двухмиллионной армии всегда найдется негодный элемент. Здесь происходит не это. Когда мы суммируем факты, изложенные в телеграммах со всех линий, то мы видим, что особенно обильно сыпались удары перед созывом Государственного Сопещания. Теперь все стихло. Сопещание свое временно прибыло в Москву. Но мы, обсудив положение, признали, что выступление организованной части нашей администрации является вызовом союзу и что вызов этот должен быть принят. И мы его приняли.

В тот момент, когда забастовка на железных дорогах является смертью для родины и торжеством для врага провоцирование наших масс на выступление есть, с точки зрения нашего съезда, измена отечеству. И если в отношении железных дорог контрразведка дремлет, а прокурорский надзор спит, железнодорожный союз считает своим долгом подняться и заявить, что если гидра контр-

революции подымет свою голову\*, то союз задушит ее своими руками. В этом наш долг, диктуемый требованием обороны страны».

Свою речь я закончил заявлением, что мы, как демократическая организация, присоединяемся к декларации Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов.

Говорят, что этой речью мы сбили наших противников. Мне передавали, что лидер объединения правлений частных дорог, приготовивший целый обвинительный акт против нас, отказался от своего намерения, говоря: «После такой патриотической речи, я не могу выступать против союза». «Патриотизм» ли мой спугнул противников или что-либо иное в моей речи, судить не берусь. Могу только сказать, что, когда при гробовом молчании «правой» Сопещания, – а их было громадное большинство – и при одобрении «левой», я опустил на свое место в последних рядах партера. Я почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Подняв голову, я увидел, что из ложи второго яруса, повернувшись ко мне, пристально и пытливо всматривался холодновато-стальным взглядом Каледин. Я ответил тем же. И мне почудилось, что здесь не одно любопытство, но что этот казачий «герой» пытается решить: не в железнодорожниках ли кроется причина того, что вызванные казачьи полки вместо Москвы оказались где-то в пространстве. «Вар, Вар, где твои легионы?»

(М.Д.Орехов, ук.произв., с.17-20)

---

\* Черносотенная газета, особенно усердно травившая съезд, ядовито заметила, что у гидры не одна, а несколько голов. Замечание вдвойне верно: гидра, по уверению древних, имела несколько голов, а контрреволюция в России в 1917 г. состояла из нескольких организаций. Но вот в чем ошибся желчный хроникер. Он писал, что вышел, держа в руке картонный меч, угрожая задушить гидру контрреволюции. По близорукости хроникер не доглядел. У меня был не картонный меч, но в одной руке рельс, в другой – шпала, которыми мы вскоре успешно отбили атаки генералов Корнилова и Каледина.